

Клад

Тишина наступила внезапно. Во всяком случае, так ему показалось. Он остановился, прислушался. И в самом деле — было удивительно тихо. Он посмотрел на часы, осторожно опустил полную корзину грибов на усыпанную листьями землю и неторопливо огляделся...

Вокруг него молчаливо стояли деревья. Беззвучно покачивалась задетая его плечом темно-зеленая ветка ели, на которой аккуратным желтым мазком лежал лист березы. Чуть в стороне из пожухлой травы пугливо выглядывала компания волнушек. Поодаль стояла сосна — огромная, высокая. Он посмотрел на ее вершину и увидел небо. Тучи старались спрятать солнце и обещали дождь.

«Пора возвращаться», — подумал он. Тщательно загасил окурок, поднял корзину и, чуть сгорбась под ее тяжестью, неторопливо зашагал в сторону березняка, но вскоре остановился, щурясь посмотрел на яркое, но чуть теплое солнце и решительно повернул в сторону.

— Зачем делать круг, — громко и с удовольствием проговорил он, на ходу перекладывая корзину в другую руку, — если можно пойти напрямик, через болото. — Потревоженная его телом ветка дерева качнулась и замерла. — А с хозяином болота мы как-нибудь договоримся, — громко продолжал он, обходя голый, темный ствол давно погибшего дерева. — Не такой уж он, наверное, и плохой мужик, как его нам, пацанам, бабка Нюра расписывала.

И улыбнулся, вспомнив далекий, как небыль, вечер, маленькую старушку, сидящую на крылечке скособочившейся избенки, ее тихни вздрагивающий голос и их, пацанов, сидящих рядом на завалинке с полуоткрытыми ртами, испуганными, устремленными на бабку глазами.

Ей Богу живет, — крестясь, тихо говорила она. — Сам крохотный, а весу в ем, как в хорошей гирьке. Ручици длинные, зеленые. Сидит с утра до позднего вечера, да и всю ночь тоже, за какой-нибудь кочкой, глазами своими мутными по сторонам зыркает, стережет, окаянный. А кто в его болото войдет, он того цап за ноги и повиснет... Вниз, значит, в свое болотище тянет. И уж никакой силой его от человека не оторвать. Хошь молитву

читай, хошь крестись, хоть что делай. Жадный он до тех, кто его не боится. Ой, жадный!

Она покачивала маленькой головой, щурила за выпуклыми стеклами очков глаза, потуже затягивала узелок платка под остреньким подбородком, на котором из бородавки рос кустик седых волос, тянула:

— Во-от дай мне Бог памяти. Кажись, лет эдак тридцать назад было. Пошла, значит, незамужняя простушка Пелагея за клюквой. А мы уж отговаривали ее, отговаривали... Да уж больно упряма она была. Ушла и не вернулась. Только косынку ее и отыскивали. Голубенькая такая косыночка была, с горошинками белыми...

Они, пацаны, много раз слышали от нее эту историю, но рассказывала она каждый раз по-другому, страшней, а значит, и намного интересней...

Домой от бабки возвращались поздно, тихо переговариваясь, пугливо поглядывая по сторонам. А болото далеко стороной обходили даже в солнечный день, а в пасмурный тем более...

Он глубоко вздохнул, снял с лица прилипшую паутину, зашагал медленней.

Давно нет бабки Нюры. Померла в тот год, когда он, закончив восемь классов, уезжал учиться в город, на шофера. Да что там бабки — деревни нет. Сровняли с землей. Зять сказал, что там, где деревня жила, скоростная автодорога строиться будет, прямая, широкая, как жизнь. Так и сказал: «как жизнь», да еще и с улыбочкой. Помешала, выходит, его деревенька... Без нее, выходит, не было бы этой дороги. Говорил зятю — обошли б стороной, а он считать принялся: сколько машин по этой дороге за сутки пройдет, сколько бензина сожгут, амортизация... Насчитал столько, что... А потом и говорит: «Видишь, отец, во сколько обойдется государству твой маленький «крюк» — объезд.

Он горько усмехнулся. Только и осталось от деревеньки что кладбище, колодец да несколько венцов от избы Василия Нелюдима, да и то только потому, что стояла она особняком ото всех остальных деревенских изб, прижавшись к лесу так, словно боялся ее хозяин людей, как черт ладана...

Он постарался вспомнить лицо этого мужика и не смог. Вспомнил только, что похож он был на комель огромного, вывороченного непогодой дерева. Руки вспомнил — длинные, с толстыми, лениво шевелящимися пальцами. Вспомнил и слова отца, сказанные в один из праздничных дней матери, прикладываящей к его глазу смоченную в заварном чае тряпицу:

«Не приведи Господь в лапищи этого Нелюдима попасть, Шутки не понимает. Никакой жалости — только сила медвежья...»

Он остановился. Опустил корзину на землю. Снова закурил.

Было по-прежнему тихо. Пахло листвой, сыростью...

Давно нет среди людей ни отца, ни матери. Лежат на деревенском кладбище, как и жили, рядом. Многие лежат. Был он сегодня там, навестил, прежде чем в лес пойти. Оградку поправил, траву сорную повыдергивал, погрузил... Воды из колодца попил. Чистая вода. Земная. Он вспомнил, как Нелюдим рыл этот колодец, как помогали ему деревенские мужики. Самый глубокий колодец был в деревне, и вода в нем была самая чистая и холодная. Нелюдимовым колодцем звали...

Он глубоко вздохнул. А пацанов да девчонок жизнь по свету, как эти листья, разнесла. Где они теперь? Какими стали? Венька Морозов, наверное, офицером стал. Любил он в войну играть, командовать и с делом, и без дела. Лена Свиридова, наверное, врачом стала — все кукол лечила. В войну играли — санитаркой, да и в школе все при медсестре вертелась. А может, и нет. Вот он сам мечтал быть шофером, а работает мастером по ремонту радиоаппаратуры. Как там у них жизнь повернулась, крутанулась? Вот только лес и остался прежним. Стоит, как память детства. А что ему делается? Знай себе растет потихоньку, природу слушается...

Он каблуком вдавил сигарету во влажную землю, поднял корзину и неспешно зашагал, глядя под ноги.

Вскоре сквозь частокор деревьев посветлело.

— Не всю я еще память с годами растерял! — весело и с гордостью воскликнул он. — А дочка-то мне: «Да куда тебе... Да столько лет прошло!» Года-то прошли, а память осталась. Так-то, девица-красавица...

Когда он подошел к болоту, тучи медленно закрыли солнце. Чистота дня померкла, загубела.

— Ну, это совсем даже ни к чему, — пробормотал он, обводя небо озабоченным взглядом. — Неровен час, дождик посыплет, а я в пиджачке. Вымокну, как зюзик.

Обширное, утыканное кочками болото с редкими, худосочными деревцами взбухло от дождей, и о том, чтобы перейти его, не могло быть и речи. Смотрело оно в небо хмуро и недоверчиво.

«Бродни бы мне, — подумал он, взглянув на свои короткие резиновые сапожки. — Впрочем, при такой воде хозяин и за

бродни так вцепится... — чертыхнулся, зная, что, как ни крути, а болото придется огибать. — Ладно. Передохну малость и пойду».

Он посмотрел по сторонам в поисках, куда бы присесть. Чуть в стороне, у понуро стоящей на краю болота ольхи, лежал огромный камень. Он поставил корзину на землю, сел на камень, вытянул ноги и с удовольствием заметил, что совсем не устал.

«Надо же! — не без гордости подумал он. — Столько оттопал и хоть бы хны. А случись мне столько отшагать в городе, я был давно язык вывалил. И комаров нет. Сгинули, кровопийцы, от недавних заморозков».

Откуда-то со стороны прилетел и мягко лег ему на колено красновато-желтый лист осины. Он повертел его в пальцах, понюхал — тот еле ощутимо пах холодом.

— Лето и прожил всего, — грустно улыбаясь, негромко проговорил он. Погладил ладонью. — Ветер трепал, дождь мочил — все вытерпел и вот на тебе — дождался, — потер ладонью лоб, грустно заметил: — А ведь если вдуматься, так и жизнь человека мало чем отличается от жизни этого листка. Осень вот только к человеку приходит, когда ей вздумается. Может и сразу за весной пожаловать. Да-а...

Он посмотрел вокруг, неохотно уронил:

— Сиди не сиди, а идти надо. Попить бы... — поднялся, присел перед ольхой, у корня которой лежала маленькая лужица, зачерпнул ладонью, глотнул и поморщился. Она отличалась от той, колодезной, какой напоила его деревня.

— Небесная вода, — пробормотал он. — Что с нее возьмешь. Свободно летит, пыль подбирает.

Он поднял корзину и медленно зашагал стороной от болота, то и дело негромко чертыхаясь от сующихся под ноги ветвей, порой делая изрядный крюк, чтобы обойти непроходимую мешанину из поваленных непогодой деревьев или ненадежную твердость земли, сочившуюся темной, густой водой.

- Истину люди говорят, что с дурной головой ногам покоя нет, тяжело дыша, проворчал он. — Поперся старый дурень. А чего, спрашивается? Быстрее ему, видите ли, захотелось. Вот тебе и быстрее. Топчи теперь ноги.

Он остановился на невысоком пригорке. Солнца по-прежнему не было. Болото лежало чуть в стороне и ниже, молча погрузив свои невеселые мысли в топкую глубину.

Гнилое место себе для жилья выбрал мужик-гиревик, — подумал он. — Мог бы и получше отыскать».

Он посмотрел направо, туда, где должна быть ель, та самая примета, от которой они с пацанами всегда находили правильную дорогу домой. Эта ель была выше всех в лесу. Он вспомнил, как кто-то из ребят, вроде бы Димка Лузгин, забрался на нее посмотреть. Залезть-то залез, а спуститься побоялся. Уж они уговаривали его, смеялись над его трусостью - бесполезно. Сидел на ветке, обхватив ствол руками.

Пришлось Сашке Сомову за его родителями бежать в деревню. Пришел отец, помог слезть, а потом за трусость отлупцевал подвернувшейся под руку хворостиной. По словам Димки, совсем не больно, но чувствительно.

Ели не было. Он недоуменно огляделся, посмотрел правей, затем провел взглядом по горизонту — остальные деревья были подстрижены, как под одну гребенку.

— Ерунда какая-то, — пробормотал он. — Должна быть ель! Вот и конец болота виден. И пригорок, на котором я стою, тот же самый. Здесь у нас был штаб. Сам тогда еще начальником штаба был по разведке... Странно, — он потер подбородок. — Болото, пригорок — есть, а ели нет. Неужели ошибся? Да не может этого быть...

Ель была, но она лежала, упав вершиной в болото. Упала от старости, верно, прожив на своем веку столько, сколько ей было отпущено. А может, ветер загубил, почувствовав ее ненадежную связь с землей. Лежала, протянув к небу уже голые ветки, показывая заостренный, безжизненный зуб скола всем, кто на него смотрел.

Он опустил корзину на землю, сел на ствол ели и долго сидел так, не шевелясь, странно постарев и грустно улыбаясь.

- Умирают приметы, — пробормотал он, наконец. — Верно, не могут они без людей жить. Верно, живут только до тех пор, пока живет в них ощущение нужности...Э-эх! — провел ладонью по шершавому, темному стволу, покачал головой, встал, помня, что тогда, с мальчишками, они всегда шли, строго прямо от нее, затем, метров этак через триста, входили в густой, чистый сосняк и круто сворачивали налево.

Он встал спиной к сколу, наметил ориентир и, стараясь не терять его из виду, зашагал, старательно считая шаги.

К его удивлению, смешанному с непонятым беспокойством, впереди снова посветлело. Сам того не замечая, он прибавил шаг и вскоре замер. Перед ним лежала вырубка. Обширная, как болото, только вместо кочек здесь торчали пни, много пней, и сама вырубка отчего-то показалась ему головой наголо подстриженного человека — уж слишком заметны были на ней неровности.

Он ясно и отчетливо вспомнил день, когда увидел в больнице свою родную дочь, лежащую под капельницей, маленькую, наголо подстриженную. Он тогда дал ей свою кровь. Жена приходила к ней в больницу и оставалась на всю ночь, но дочери становилось все хуже и хуже. И тогда он встретил лечащего врача и сказал ему при медсестрах, при всех, кто был тогда рядом. Сказал честно и яростно, что если дочка умрет, то он, врач, переживет ее не дольше как на один день, и что плевать ему на законы и на все на белом свете... Может, его угроза подействовала, может, еще что, но дочка пошла на поправку...

«А здесь ни капельница, ни угрозы не помогут, — подумал он. — Здесь надо руки и сердце».

Он посмотрел на валяющиеся на краю вырубки ржавые бочки, на извивающийся, ошетилившийся колючками трос, на молодые, наобум растущие по ее площади деревца, и такой жалобной пустотой повеяло от вырубки, такой покорной безысходностью, что он, как и тогда, в больнице, яростно выругался и, ощущая спиной ее жалобный, просящий взгляд, пошел в сторону деревни,

всем сердцем чувствуя свою вину перед тем, что увидел, чему не может помочь...

Солнца все не было. Серость дня густела.

Он шел долго, никуда не сворачивая, глядя по сторонам в поисках примет, но их не было.

Перешел какое-то маленькое, высохшее болотце, одолел угловатый пригорок, густые заросли малины... Деревни не было.

«Что за ерунда, — подумал он, останавливаясь и чувствуя, как неприятный холодок страха забирается под рубашку. — Должна быть деревня. Может, я ее в стороне оставил? — он покусал губы. — Куда же идти? В какую сторону? Хоть бы тропинка какая. Пускай даже незнакомая». Но тропинки заросли травой, спрятались под листьями.

- Ладно! громко и решительно, как ему показалось, проговорил он. — Вернусь обратно к болоту. Может, что перепутал. Мало ли... Бывает...

Он повернул назад. Шел быстро, не обращая внимания на цепляющиеся за пиджак ветви, на встречающиеся лужицы... Снова шел долго, но ни болота, ни вырубки не было. «Да что за черт?! — испуганно подумал он. — Леший водит, что ли?! Да какой может быть леший! Сказки все это». Он посмотрел на часы, на небо и заметался, с одним желанием только не стоять...

Он выходил на поляны, потом к какому-то заросшему травой оврагу, длинной осыпавшейся траншее... И все шел, шел, тыкаясь, как слепой щенок, во все стороны...

Он почти упал спиной к литому стволу сосны и, тяжело дыша, вытирая со лба пот, медленно огляделся.

Небо без солнца его не интересовало. Он смотрел только на деревья. Они стояли вокруг него по-прежнему молча. Стояли и, как ему казалось, в свою очередь смотрели на него с сочувствием. И их было много, очень много, а все вместе они становились лесом, перед которым он, человек, чувствовал свое полное бессилие и непонятный страх.

Он медленно опустился на землю, вытянул ноги и почувствовал, как по ним стекает усталость.

На востоке небо очистилось от туч, но было по-прежнему серо. «Дома, наверное, с ума все посходили, — подумал он. — Милицию на ноги подняли, а я вот сижу».

— Что же ты, лес, — пробормотал он. — Старых друзей забыл? :

Рубашка холодным пластырем прилипла к телу. Он зябко поежился.

«Что ж делать-то? - вяло подумал он. Ночь скоро. Хлеба нет. Курева тоже. Хорошо, что хоть спички есть».

Держась рукой за ствол дерева, он с трудом поднялся, посмотрел на корзину, махнул рукой и зашагал куда глаза глядят - лишь бы только двигаться...

Шел спотыкаясь, не глядя по сторонам. Ему казалось, что лес затеял с ним игру, правила которой он не знает. Казалось, что лес, стоит ему отвернуться, закрыть глаза — меняет деревья местами, что лес научился шагать, и вспомнил слова бабки Нюры, большой любительницы пособирать грибов и ягод, о том, что в лесу прямых дорог нет... Неожиданно в сумраке что-то забелело. Он остановился как вкопанный. Масса белого была огромной и неподвижной. Он захотел закричать, но почему-то побоялся.

Стоял долго, не сводя глаз. Затем как можно тише сделал один шаг, другой... На небольшой поляне лежал огромный белый валун...

Он узнал его, как узнают старого друга после долгих лет разлуки. Боясь ошибиться, он подошел к нему, положил ладонь на его шероховатую теплую поверхность и осторожно, словно в лицо человека, заглянул сбоку... Он!

На валуне были нарисованы глаза, рот и нос. Это Колька Степанов нарисовал после того, как они больше недели искали в лесу клад. Искали и, конечно же, не нашли.

— Нет клада — будет рожица, — сказал Колька. — Что ему просто так лежать...

Вспомнил, как Колька принес из дому банку с красным суриком, как, склонив голову, высунув язык, рисовал, а они, пацаны да девчонки, стояли в стороне и придирчиво смотрели.

Рожица получилась веселой, дружелюбной. Правда, Кольке тогда здорово попало от отца... Да кому из них тогда не попадало! Потом они часто приходили к нему, и валун всегда встречал их, как старых знакомых.

Он обошел валун и почувствовал, что не одинок перед надвигающейся ночью. Ему стало легко и просто. Валун смотрел точно в сторону деревни, и заблудиться уже было просто невозможно.

Не думая о доме, о том, что его ждут и, наверное, ищут, он развел невдалеке от валуна костерок. Языки пламени качались, и ему казалось, что валун водит глазами...

Небо очистилось от туч. Высыпали звезды. Стало намного прохладней.

Он прижался спиной к валуну, протянул руки к костру... И от края земли до края неба было тихо, ласково и печально...